

В.В.Лепяхин

СЛОВЕСНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

Статья посвящена сравнительному анализу двух терминов и понятий «литература» и «словесность». Автор показывает принципиальные различия между ними и отмечает преимущества понятия «словесность».

Ключевые слова: словесность, литература, слово, логос, буква, Дух

В своем известном Послании апостол Павел противопоставляет букву и дух, то есть нечто буквальное, внешнее и духовное, содержательное, внутреннее. «Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей, — то не гораздо ли более должно быть славно служение духа?» (2 Кор. 3: 7–8). Существует несколько толкований этого места, вызванных разными переводами двух стихов. Главное здесь состоит в том, что святой апостол противопоставляет *служение буквам*, написанным на скрижалях Завета, без принятия во всей полноте духа, заключенного в заповедях, и *служение Духа*, Духу и в Духе, то есть евангельская проповедь апостолов живым словом, «Словом Жизни» вечной (1Ин. 1: 1). Апостолы говорили не от себя, они несли не буквы, а слово, исполненное Духа и Жизни вечной: «Слова, которые говорю Я, суть дух и жизнь» (Ин. 6: 63).

В предыдущем стихе Послания к Коринфянам апостол Павел призывает учеников «быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2Кор. 3: 6). Таким образом, он противопоставляет букву и дух как смерть и жизнь: первое омертвляет, второе несет жизнь вечную и ведет к ней. Но под духом апостол понимает, как это видно из других стихов Нового Завета, в том числе и духовное слово.

Литература и словесность, словесность и литература. Эти два слова часто ставят рядом. С конца XVIII века (с появления их в пятом томе Словаря Академии Российской 1789—1793) они сосуществуют в русской филологии как близнецы-братья. Некоторые исследователи последовательно употребляют слово «литература», как будто термина «словесность» не существует, другие стремятся их согласовать и употребляют там, где это возможно, параллельно, третьи — по отношению к Руси-России склонны говорить только о словесности.

В последнее время, благодаря статье В.Н.Захарова [1, с. 5-11] оживился интерес к термину «словесность». В частности, он совершенно справедливо пишет: «„Литература“ — пожалуй, наименее удачное слово для определения той сферы духовной деятельности, которая в русской культуре названа этим словом... На протяжении последних десяти веков у нас была не столько литература, сколько *христианская словесность*» [1, с. 6, курсив Захарова. — В.Л.]. Второе, что отмечает В.Н. Захаров, — это наличие мощного и глубокого «евангельского текста» в русской словесности. «Евангельский текст» в данном случае понимается в самом широком смысле: от цитаты из Священного Писания до внутреннего глубинного христианского духа русской словесности. Третье, что автор выделил курсивом, что действительно недооценивается исследователями, а другими даже отвергается, несмотря на очевидность, это сугубо *православный* характер русской словесности [1, с. 8].

Редко кто будет отрицать христианскую составляющую древнерусской словесности. Но почему-то, говоря о словесности XVIII—XX веков, исследователи чаще всего не видят преемственности в истории русской словесности, будто христианская словесность закончилась в XVII веке, словно произошел разрыв или обрыв естественного процесса, и началась новая литература. В.Н.Захаров приводит яркие примеры проявления христианского духа русской словесности, который присутствует в самых разных видах и формах на протяжении всей истории русской словесности: и в веке восемнадцатом — одна только «духовная поэзия» той поры изымает словесность из литературы; и в девятнадцатом веке, который можно смело назвать не только золотым, но и христианским веком классической русской словесности. Ее отличие от древнерусской словесности состоит только в том, что Древняя Русь говорила о Боге прямо и открыто, а XIX век прикровенно, в контексте, часто даже не упоминая имени Божия.

Похожие явления наблюдаем и в веке XX [1, с. 8-10]. При этом в последнем случае можно говорить не только о христианской и собственно православной поэзии Пастернака или Ахматовой, но и о литературе «социалистического реализма», в которой также легко читаются архетипы и коды христианского видения мира и человека. Эту тему убедительно раскрыл И.А.Есаулов, назвав это литературное явление «вторичной сакрализацией» [2, с. 253-272, 273-305 и др.].

Противников у термина «словесность», считающих само понятие излишним, остается немало. В настоящее время можно говорить уже о двух противоборствующих лагерях сторонников того и другого термина. Идут споры о том, какой из них шире, какой из них является частным случаем другого. Обращается внимание на такой казус, как «устная литература», которая именно как «литература» невозможна в принципе. Тогда как «устная словесность» звучит естественно и точно с научной точки зрения. Мы бы еще отметили некоторую агрессивность термина «литература» в устах представителей одного из лагерей, того, в котором во

главу угла ставится структуралистское, модернистское и постмодернистское отношение к слову и словесному творчеству.

Такое пренебрежение к самому понятию (не только к термину) «словесность» наблюдалось и ранее, в XIX веке, в трудах западников. А.В.Моторин подметил интересную деталь: «Во времена преобладающего стремления к возрождению основ исконно русского мировосприятия у нас усиливается и распространяется понятие словесности. Напротив, в эпохи, когда преобладает западническая направленность духовных устремлений, берет верх понятие литературы» [3, с. 18]. Видимо, столкновение двух терминов носит неизбежный и принципиальный характер и является не столько филологическим, сколько мировоззренческим.

Что прежде всего бросается в глаза при сравнении двух терминов? Во-первых, Слово «литература» — иностранное, восходящее к латыни, тогда как «словесность» — родное, отечественное. Во-вторых, «литература» происходит от латинского *littera* (буква), а «словесность» — от слова, письменного или устного. Именно особое понимание слова и особое отношение к нему делают различия между понятиями «литература» и «словесность» такой же масштабной, как различия между буквой и духом (по апостолу Павлу), или между иконописью и живописью.

Указанные два различия между терминами выявляются уже при поверхностном взгляде. Расхождение между ними заметно углубляется, если посмотреть на них с мировоззренческой точки зрения или в ракурсе русской и западной ментальности. Как справедливо отмечает А.В.Моторин, «противоборство (между двумя речениями: словесность и литература. — В.Л.) является частным, но существенным проявлением общего расхождения между русскими и западными духовными устремлениями», простое сравнение двух терминов на филологическом уровне не может вскрыть и объяснить «духовное противоборство между понятиями литературы и словесности как ключевыми для западного и русского типов художественного сознания» [3, с. 17, 18]. По сути, в двух терминах мы имеем принципиально разный взгляд на истоки и суть словесного творчества, на его призвание и предназначение.

У о. Павла Флоренского есть такая мысль: слово — это «свившееся в комок предложение», а предложение — это «свободно распутившееся слово» [4, с. 208]. Если мы принимаем это мнение, то недостатки термина литература налицо: набор знаков, букв, литер не способен стать свившимся в комок предложением, точно так же он не способен «распутиться» в предложение. Отец Павел говорит именно о слове в его традиционном для византийской и древнерусской словесности христианском смысле: истинное слово есть отблеск, есть отражение воплотившегося Бога Слова, оно от Него происходит, Им питается, к Нему возвращается, Его славословит. Поэтому оно обладает способностью заключать в себе глубочайшие смыслы, не только собственно словесные, но и мировоззренческие.

Какой жанр наиболее популярен в древнерусской литературе? Без сомнения — Слово. Достаточно вспомнить «Слово о законе и благодати» или «Слово о полку Игореве». Слово в древней словесности не только творческая сила и источник словесности, не только часть речи, но и жанр, причем, жанр, возникающий вместе с самой словесностью. Тематика этих Слов может быть самой разной. Главное состоит в том, что их авторы пользуются словом как отблеском Божественного Логоса, древнерусские книжники всегда чувствуют пуповину, которая связывает слово человеческое со словом Божественным и пишут или говорят со страхом Божиим, боясь эту связь нарушить, оборвать. Тогда слово может превратиться в пустословие, суесловие, блудословие, заблуждение и принести вред слушающим или читающим. Вот это чувство взаимосвязи человеческого слова со Словом-Логосом пронизывает всю древнерусскую книжность.

Нельзя не обратить внимания на славянскую азбуку, составленную св. равноапостольным Кириллом. «Азъ буки вѣди глаголь добро есть» — так она начинается. Но ведь перед нами не азбука в собственном смысле (слово образовано от названия первых двух букв), а произведение словесности! Славянская азбука стала одновременно и первым произведением словесности (!), написанном этой азбукой. Причем, это произведение несет в себе православное восприятие мира, дух проповеди и молитвы.

Как в случае со «словесностью» и «литературой», здесь мы сталкиваемся с принципиальными различиями между азбукой и алфавитом. Русский алфавит переработан, реформирован по образцу европейской латиницы, в нем царствуют буквы, для словесности здесь нет места, точнее, она изгнана реформами. К буквам для благозвучия добавлены гласные, но буквы остаются буквами, они одиноки, оторваны одна от другой и бессмысленны. Так насильственными реформами прогрессистов азбука была превращена в алфавит, была разорвана связь между азбукой и словесностью, духом и буквой, отрицательные последствия чего ощутимы до сих пор, что видно хотя бы по тому, что в настоящее время приходится защищать понятие «словесность» от нападков или молчаливого, но упорного отвержения его необходимости целым рядом филологов.

Отношение к Слову и к слову определило особый взгляд на книжника, на «словесника», на составителя древнерусских сочинений. Первое, что бросается в глаза, древнерусский книжник не чувствовал себя *автором*. (Точно так же иконописец не считал себя «автором» иконы, а потому за исключением редчайших случаев, не подписывал ее). Он знал, что его слова — на деле не его, а Божьи, что без содействия Святого Духа, который наполняет слово живой действенной силой, его слова пропадут втуне.

Свою задачу он видел не в «плетении словес», а в очищении души и тела, чтобы душа слышала Бога Слова, а тело стало храмом живущего в нем Духа. И тогда — при содействии Святого Духа — слова сами польются из очищенной души и, если понадобится, сами будут «сплетаться» друг с другом не только ради выражения высокого смысла, но и ради красоты слога. Здесь к месту процитировать Евангелие от Марка.

Спаситель говорит ученикам: «Когда же поведут предавать вас, не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но Дух Святый» (Мк. 13: 11). Вот это состояние истинного «словесника»: очистить себя настолько, чтобы Дух Святой заговорил через человека. Только этот путь помогает избежать греха против Слова. И многие святые Отцы и старцы свидетельствуют: когда они пытались говорить «от себя», то ошибались, но пребывая в Духе, — говорили истину.

В этом смысле светская, мирская — или равнодушная по отношению к Богу, или же откровенно атеистическая — литература совершенно противоположна по своим установкам.

Во-первых, в литературе сформировалось (ещё в XVIII веке) направление, которое не признает происхождение человеческого слова от Бога Слова.

Во-вторых, творчество понимается как врожденное свойство конкретной личности, которое не имеет источника вне творческой личности, а отсюда и вдохновение ищется в различных искусственных средствах возбуждения себя.

В-третьих, она стремится не к тому, чтобы выразить объективную Истину Божию, а свой субъективный взгляд на мир, на человека и иногда на Бога.

Наконец, ложно понятая «художественность» вначале становится самоцелью, а в современной литературе нередко отрицается во имя бунта против Бога, против мира Им сотворенного, во имя противопоставления этому гармоничному Божью миру всего демонического, уродливого, бесстыдного, что особенно наглядно проявилось в теории антиэстетизма и ныне в искусстве постмодернизма, в «актуальном искусстве», в акционизме.

Можно также обозначить и другие отличия словесности от литературы.

Словесность следует за Духом, литература без Бога — за буквой, за литерой.

Словесник творит пред ликом вечности, литератор — пред лицом времени, актуальности.

Словесность живет в любви к Богу и миру, поскольку «Бог есть Любовь» (1Ин. 4: 16), литератор — пребывает в духе неприятия и отрицания.

Словесность расчищает Божью реальность, чтобы мы яснее увидели мир Божий как творение великого совершенного Художника (Евр. 11: 10) — Бога, антихристиански настроенный литератор как бы замазывает красоту мира, чтобы человеку было еще труднее пробиться к Богу и к гармонии сотворенного мира.

Словесник отодвигает в тень свою личность, литератор ее выпячивает, часто навязчиво и агрессивно.

Словесник ищет вдохновения в молитве, посте, в очищении себя, дабы удостоиться помощи Духа Святого, мирской литератор ищет вдохновение вслепую, в последнем крайнем случае — в алкоголе и наркотиках.

Словесность служит Духу, литература — духам, нередко «духам злобы поднебесным» (Еф. 6: 12).

Словесность создается в синергии с Богом, литература часто не прочь заключить договор с нечистой силой и стать ее медиумом.

Наконец, словесность — христоцентрична, мирская светская литература — эгоцентрична [5, с. 519-522].

В новой литературе возрождается критический реализм, натурализм, физиологизм, бытовизм с такими же идеологическими и политическими оттенками, как и в XIX веке. Всё мастерство писателя заключается в том, чтобы предельно реально изобразить действительность, все ее стороны, преимущественно стороны отрицательные, негативные, ужасные, унижающие достоинство человека и его высокое призвание. Это отражается и в языке, в стиле. Матерная ругань становится некой нормой, без которой якобы невозможно показать реальную жизнь. Но использование мата говорит о слабости художественного дара писателя, он ищет легкие и простые пути воздействия на читателя. Задача в том, чтобы показать то же самое, не опускаясь до мата. Употребление матерщины для характеристики персонажа стало пустой отговоркой. И Пушкин, и Тургенев, и Толстой, и Достоевский, и Андрей Платонов, и Булгаков обходились без мата. А кого из нынешних матерщинников в литературе можно поставить рядом с ними? Риторический вопрос. Мат не только разрушает художественный образ, но разрушает самого писателя. Прочитую известное: «В начале было Слово». Мат — это преступление перед Словом. Его не должно быть ни в жизни, ни в словесности, потому что словесность происходит от Слова.

Представления о «реализме в высшем смысле» (Достоевский) забыты. Достоевский призывал реалистов не бояться идеального, ведь последовательно проведенный реализм обязательно скажет неправду о человеке, о жизни, о мире Божием.

Беда в том, что современная литература, с одной стороны массовая, с другой стороны, постмодернистская или, так называемая актуальная, разрушают традиционную русскую словесность, превращают её в литературу. Необходимо более творчески отстаивать словесность, напоминать, что она не сводится к литературе, точнее, она совсем не литература, а именно словесность, восходящая к Слову-Логосу, а Слово пребывает нераздельно с Духом, со Святым Духом. Вернуть русской словесности духовность могут только Дух Святой и Слово Божие.

Понятие и сам термин *litteratura* порождены латинской культурой. «Литература» уже в своей основе несет представление о сути творчества, как игре в литеры, в буквы, «в зернь» (Ломоносов), «в бисер» (Г.Гессе), как составлении различных комбинаций букв, слогов и соответствующих им звуков, которые тем или иным образом влияют на читателя не только эстетически, но и магически. Эти представления легко обнаружить во

французских *belles lettres* и в немецком *Schriftsteller*. Они обусловили и особое внимание к формальной стороне литературного творчества.

Русская словесность на всем протяжении своего бытия представляет собой единство. На разных этапах своего бытия она то питалась от своих христианских корней, то удалялась от них, но никогда с ними не порывала. Заметный перелом в истории русской словесности связан с переходом к магическому пониманию литературного творчества, что выразилось и в победе термина «литература» над отечественным «словесность». Ныне термин «словесность» используется все шире, и это естественно, поскольку он не только заметно богаче и точнее «литературы», но, главное, несет в себе совершенно другие представления о слове и сути словесного творчества.

-
1. Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XIX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С. 5-11.
 2. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб., 2012. 448 с.
 3. Моторин А.В. «Словесность» и «литература»: духовные основы русского и западноевропейского отношения к словесному творчеству // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XIX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2008. С. 17-36.
 4. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. М., 1990. 447 с.
 5. Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI — первой трети XVIII в. Теории литературных формаций. М., 2008. 526 с.

References

1. Zakharov V.N. Russkaya literatura i khristianstvo // Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XIX vekov. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Petrozavodsk, 1994. S. 5-11.
2. Esaulov I.A. Russkaya klassika: novoe ponimanie. SPb., 2012. 448 s.
3. Motorin A.V. «Slovesnost'» i «literatura»: dukhovnye osnovy russkogo i zapadnoevropeyskogo otnosheniya k slovesnomu tvorchestvu // Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XIX vekov. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Petrozavodsk, 2008. S. 17-36.
4. Florenskiy P.A. U vodorazdelov mysli. T. 2. M., 1990. 447 s.
5. Uzhankov A.N. Stadijal'noe razvitie russkoy literatury XI — pervoy treti XVIII v. Teorii literaturnykh formatsiy. M., 2008. 526 s.

Lepahin V.V. Slovesnost' and literature. This article is dedicated to the comparative analysis of the two Russian terms литература ('literature') and словесность ('verbal expression', 'literary tradition'). The author demonstrates the main differences between these two concepts and focuses on the advantages of using the term 'verbal expression'.

Keywords: slovesnost', verbal expression, literary tradition, literature, word, logos, letter, spirit.

Сведения об авторе. В.В.Лепяхин — д. филол. н., профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Венгрия); lepahin@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.03.2018.